

ДВОЙНАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ DIFFÉRANCE

Темпоральность относится к существенным характеристикам *différance* – одного из ключевых понятий Жака Деррида. Различие, о котором при этом идет речь, является в том числе и временным: оно отсылает к глаголу *différer*, означающему не только «отличаться», но и «отсрочивать». Однако темпоральная структура *différance* не сводится к отсрочке, она во многом заимствована из гуссерлевской феноменологии. Именно поэтому возникает вопрос о применимости к ней понятия диахронии, используемого Левинасом в ходе критики феноменологической теории времени-сознания. Как увидим, оно действительно применимо и позволяет показать двойственность *différance*, смешение в нем двух темпоральных структур.

Différance и критика присутствия

Доклад, целиком посвященный *différance* [Деррида 1999б], Деррида начинает со ссылки на Соссюра, для которого «означаемое никогда не представлено в знаке само по себе, в той форме присутствия, когда оно соотносится лишь с самим собой. Любое понятие непременно описывается в некоторой цепочке или системе, в рамках которой оно соотносится, посредством упорядоченной игры различий, с другими понятиями» [Там же. С. 136]. Именно такую игру Деррида называет *différance*. Это не концепт, но условие концептуальности, в том смысле, что создает саму сеть различий, в которой только и могут существовать какие бы то ни было концепты: «Мы будем называть *différance* движение, посредством которого язык или любой код, равно как и любая референциальная система в целом становится «истори-

чески» конституированной как система, как ткань различий» [Там же. С. 137].

Следуя современной Соссюру лингвистике, Деррида приводит в качестве поясняющего примера фонемы, которые слышны не сами по себе, а лишь благодаря взаимным отличиям. Отдельная фонема принципиально не может быть услышана. Эта структура противопоставлена онтологии присутствия: игра *différance* (т. е. смыслы, им порождаемые) не определяется каким-либо присутствием в мышлении или интуиции (о присутствии «в реальности» речь вообще не идет), а именно, присутствием вне и независимо от знаков. Наоборот, «присутствие есть некоторое детерминирование или/и результат, существующий в рамках системы, которая не является более системой присутствия, но системой *différance*» [Там же. С. 143]. Как, однако, присутствие порождается в движении *différance*? Каково его место в этом движении? Мы могли бы подумать – и Деррида определенно дает к этому повод¹ – что присутствие есть эффект взаимных отсылок системы языка, когда результаты дифференциации – а это не только означающие, но и означаемые, т. е. понятия, – начинают рассматриваться как прямо отсылающие к некоторой внезапной реальности, как будто нечто «позади» различий детерминирует их. Такому пониманию, однако, препятствует второй, темпоральный, аспект *différance*. Отсылки знака к другим знакам оказываются темпоральны-

¹ Скажем, примеры различий [Деррида, 1999б. С. 145] (интеллигивельный – чувственный, понятие – интуиция, культура – природа) говорят в пользу такого понимания.

ми: «Différance есть то, что делает движение означения возможным только в случае, если каждый элемент, рассматриваемый как «существующий», возникающий на сцене присутствия, соотносен с чем-то иным, отличающимся от него, но сохраняет при этом знак уже прошедшего и одновременно остается открытым знаку своих взаимоотношений с грядущим» [Деррида, 1999б. С. 138].

В этом присутствие подобно фонемам, оно никогда не присутствует без отсылок к другому присутствию. Однако наше внимание немедленно привлекает сходство между этой структурой и темпоральностью, описанной Гуссерлем в «Феноменологии внутреннего сознания времени». Как и там, прошлое и будущее, о которых идет речь в тексте, не сводятся к модифицированному настоящему. Это препятствует, в частности, прямому переносу этой структуры на модель Соссюра. Дифференциальная система у последнего синхронна, все ее различия даны одновременно. Деррида же применяет идею Соссюра к темпоральной структуре движения означивания. Он ставит темпоральные различия, относящиеся к конституирующему движению, на один уровень с различиями конституируемой системы. Но если темпоральность *différance* связана с конституированием различий, то каким образом она может быть перенесена в сферу конституированного? Как известно, для описания этого переноса Деррида прибегает к концепции следа. Последний «удерживает в себе опыт времени», позволяя таким образом конституированию проявляться (лучше: удерживаться) в конституированном. Говоря же об удержании прошлого в следе, Деррида развивает два основных подхода. В первом используется фрейдовское понятие последствия (*Nachträglichkeit*) или перестройки психического опыта на поздних стадиях развития. Именно подобная зависимость прошлого от движения конституирования существенна для Деррида. Этот феномен возникновения нового прошлого указывает на то, что Левинас называет диахронией, т. е. наличием двух темпоральных порядков [Левинас, 1998]. Мы как бы имеем два «теперь». Первое конституируется как отличное от прошлых «теперь», тогда как второе есть то, в чем последние конституируются. Первое противопоставлено другим «теперь», тогда как второе – «не-теперь» или не-бы-

тию. Деррида, однако, не различает эти темпоральные порядки. Более того, как мы увидим позже, само *différance* существенным образом опирается на их отождествление.

Другой подход к следу связан с понятием замещения или восполнения (*supplément*): присутствие скрыто и обнаруживает себя только через заместителя. Оно должно как бы испустить нечто, что его замещает [Деррида, 1999б. С. 148], поскольку не является самодостаточным. Замещаемое (т. е. присутствие) остается в прошлом, которое, однако, само продуцируется движением *différance*. Мы видим, что след не столько удерживает опыт времени, сколько разыгрывает его. След – вместе с *différance* – есть движение, в котором появляется само различие между замещением и заместителем, т. е. между означаемым и означающим. Это, разумеется, согласуется с утверждением Деррида о неустранимой темпоральности *différance*, но мы должны по-другому расставить акценты. Дело не в том, что артикуляция сама по себе порождает знак как след. *Différance* конституирует знак как знак, и в работе «О грамматологии» Деррида, вслед за Гуссерлем и Пирсом, именно так формулирует свой вопрос: «Об условиях, которым должен удовлетворять дискурс, чтобы “означать” (*voluire-dire*) нечто» [Деррида, 2000. С. 170]. Он ищет ответ в темпоральности следа: временной промежуток между говорением и сказанным превращается в различие между означающим и означаемым. Но при этом «знаковость» знака Деррида понимает вслед за Соссюром через взаимные отсылки системы означающих. В соответствии с этой схемой различия между означиванием, означающим и означаемым эквивалентны внутрисистемным различиям (другими словами, различия, существенные для факта системы, идентичны внутрисистемным). *Différance* тогда ответственно за порождение всех вообще различий языка. С этим можно было бы согласиться, но тогда возникает вопрос: не соединяет ли Деррида в *différance* два разных жеста различения?

Два движения различения в *différance*

Différance как движение продуцирует два сорта различий. Первые – между означающими, за счет чего образуется сеть взаимных отсылок. В отличие от них, различия второго сорта относятся к самому движе-

нию, к его «частям»: означающему, означаемому и акту означивания. Таким образом, движение дифференциации можно рассматривать как конституирующее либо повторяемую дифференциальную систему языка, либо само различие между повторением и повторяемым.

Разделение двух сортов различий помогает нам детализировать понятия следа и истирания. Их общие определения (след есть означающее, отсылающее к отсутствующему, а истирание есть удержание опыта времени) остаются теми же, но приобретают различные смыслы соответственно двум смыслам дифференциации. Если последняя есть конституирование системы языка, то след оказывается отсылкой означающего к другим означаемым: всякий знак, текст и т. д. содержит следы других знаков, текстов и т. д. Эти следы могут быть в прошлом или будущем, но в таких прошлом или будущем, которые относятся к конституированному времени, а не ко времени конституирования. Далее, истирание оказывается забыванием этих отсылок, т. е. забыванием системы языка, в которой означающее возникло. Жест тогда может быть повторен независимо от системы. Феномен *Nachträglichkeit*, так же как зависимость интерпретации от различных контекстов, становится возможным благодаря этому забыванию. Кроме того, это объясняет еще один смысл следа, который можно найти, например, в введении Деррида к «Началу геометрии» Гуссерля: след как остаток прошлого опыта, непонятого, но оставшегося действенным благодаря повторению.

Другое понимание следа и истирания возникает из второго смысла дифференциации. След теперь отсылает к событию повторения, и вся система языка как целое (поскольку означающее никогда не возникает вне такой системы) становится следом события ее установления. Нет другого «означаемого» помимо этого события. Логика истирания здесь также работает, хотя не требует никакого *signatum* вне повторения. Более того, событие здесь не играет роли недоступного отсутствующего означаемого или присутствия «за сценой». Его присутствие особого рода – оно должно быть исполнено для того, чтобы быть (присутствовать) вообще. Никакое несовременяемое прошлое здесь не нужно. Движение и отсылка к нему одновременны. Событие установления оказывается абсо-

лютным началом (поэтому логика желания, описанная ниже, также не работает). Истирание теперь обозначает освобождение сказанного от говорения – независимость, которая приводит к необходимости повторять, чтобы существовать.

Мы видим, что в основе *différance* лежит повторение. Мы можем выделить «базовый» уровень *différance*, который оказывается жестом различения повторения и повторяемого. Этот жест состоит в использовании означающего (совершении жеста, произнесении слова, начертании иероглифа). Он, в свою очередь, возможен только если означающее отлично от других означающих, т. е. других жестов, и поэтому подразумевает дифференциальную систему жестов и способность говорящих отличать их друг от друга. Возможность механического или бессмысленного повторения показывает, что повторение не обязательно подразумевает значение. Вместе с тем, здесь могут быть выделены означаемое и означающее и прослежена логика истирания и следа. Действительно, жест, даже если он произведен впервые, предполагает повторение. В этом смысле он оставляет след – то, что позволяет считать некий жест повторяющимся, тем же самым. Однако то, что он означает, не только возникает в том же самом жесте, но и совпадает с ним. Жест повторения того или иного означающего и есть само это означающее. С одной стороны, мы можем вслед за Деррида говорить о протописьме как жесте, пишущем уже самим фактом своей повторяемости или отличности от других жестов. С другой стороны, жест не представлен в полной мере в том, что осталось; он «истирается» в своем результате. Но именно это истирание, т. е. возможность повторения или различия повторения и повторяемого, и создает знак, в котором повторяемое служит означающим, а жест его повторения – означаемым. Такая «энергичная» структура повторения представлена в *différance* как движение различения.

Хотя это описание похоже на то, что можно найти у Деррида, оно не следует ему во всех деталях. Прежде всего, след у него указывает на то, что случилось, но не было понято. Подобно следам, оседающим в бессознательном, они получают интерпретацию в последствии – что-то случилось, осталось непонятым и, казалось бы, забыто, но

внезапно всплывает и обретает смысл. Однако существенно здесь то, что повторение на «базовом» уровне не содержит того, что Деррида называет «прошлым, никогда не бывшее настоящим». Последнее, нужно сказать, вообще не очень ясно у Деррида. Заимствованное у Левинаса, у которого оно обозначает прошлое *Urimpression* в гуссерлевском описании сознания-времени и затем прошлое, из которого обращается обязывающий Другой, у Деррида оно указывает иногда на прошлые события дифференциации, а иногда – на означаемое, предположительно предшествующее ему. Эта неясность распространяется и на понимание следа и значения. Выделением уровня повторения я пытаюсь прояснить этот момент (путем некоторого рода деконструкции *différance*). Повторение, как оно описано здесь, предполагает только различие повторения и повторяемого, в свою очередь предполагающее дифференциальную систему отсылающих друг к другу повторяемых, оставление следа и жест дифференциации, порождающий систему повторяемых, но не требует «невспоминаемого прошлого», поскольку событие повторения (представляющее собой событие использования означаемого) узнается в момент его совершения (говoreния, чтения, письма). Жест не представлен, но и не находится в прошлом. Это не противоречит его недетерминированности и зависимости от игры означающих – основной интенции Деррида. Не существует никаких актов, предшествующих означаемым и лишь обозначаемых ими задним числом (как дополнение). Что действительно предполагается жестом, так это множество других жестов. Они, однако, не обязательно расположены в прошлом или будущем, а могут относиться, например, к области возможностей. Каждый жест тогда сопровождается системой возможных жестов, образующих дифференциальную систему языка. Возможности относятся к конституированному времени. Если они и находятся в прошлом или будущем, то это прошлое или будущее конституированного времени. Поэтому различия референциальной системы не имеют ничего общего с темпоральным промежутком между повторением и следом. Тем не менее Деррида их явным образом отождествляет, что означает, что он смешивает два рассмотренных смысла следа и истирания.

Смещение двух времен диахронии в *différance*

Как мы видели, Деррида начинает с идеи системы различий Соссюра, но включает в нее темпоральные различия движения различения. Можно даже сказать, что это составляет ядро *différance* как такового. Именно такое включение позволяет Деррида говорить о *différance* как о различии-задержке. *Différance* содержит одновременно темпоральное и пространственное измерение, и есть даже, по словам Деррида, время, становящееся пространством, и пространство, становящееся временем. Это, однако, становится возможным только благодаря отождествлению двух времен диахронии – конституированного времени и времени события конституирования. Проведенный Деррида анализ гуссерлевской феноменологии² очень ясно это показывает.

Действительно, с одной стороны, интервал (т. е. различие) *différance* описывается им как относящийся к темпоральности события. Это становится еще более ясным из его отсылок к хайдеггеровскому *Anwesen*. С другой стороны, Деррида смешивает «внешнее» и «внутреннее» время, чему можно найти множество подтверждений. Например, в одном из примечаний читаем: «Интерсубъективность не отделима от темпорализации, взятой как открытость настоящего [присутствия] своему внешнему, *другому* абсолютному настоящему. Это бытие вне себя, присущее времени, есть то, что создает в нем интервал: это архисцена. Эта стадия, как отношение одного настоящего к другому настоящему *как таковому*, т. е. как к производной ре-презентации (*Vergegenwärtigung* или *Repräsentation*), выявляет структуру знаков вообще как «референцию», как бытие-для-чего-то (*für etwas sein*), и в корне предотвращает их редукцию» [Деррида, 1999а. С. 111] (перевод изменен. – О. Доманов).

Мы видим здесь примечательное отождествление интервала – темпоральной компоненты *différance* – с отношением одного присутствия/настоящего к другому. Более того, последнее в тексте ясно отождествляется с феноменологической ретенцией:

² Вообще описание Гуссерлем сознания-времени (*Zeitbewußtsein*) остается основой размышлений Деррида о *différance*.

«Процесс, посредством которого спонтанным порождением создавалось живое Теперь, должен, для того чтобы быть Теперь и удерживаться в другом Теперь, действовать сам, без помощи чего-либо эмпирического, но с новой первичной актуальностью, в которой бы он становился не-Теперь, прошлым Теперь...» [Деррида, 1999а. С. 111–112]. И далее: «Живое настоящее исходит из неидентичности самому себе и из возможности ретенционального следа» [Там же. С. 113].

Итак, Деррида понимает феноменологическую ретенцию как удержание прошлого присутствия, «прошедшего теперь». Но это не совсем так. Ретенция удерживает не «прошлое теперь», а скорее «прошлое в теперь», т. е. прошлое, как оно представлено в «теперь». Ретенция содержит всю цепь таких «прошлых» вместе с прошлыми ретенциями [Гуссерль, 1994. С. 32–33]. Это означает, что ретенция полностью принадлежит «живому настоящему». Левинас называет такое свойство феноменологической темпоральности осовремениванием³. Но связь различных «теперь» не сводится к ретенции или осовремениванию. Можно согласиться с Деррида в том, что существует разрыв между присутствием и его репрезентацией, который переживается в настоящем как след или отсылка, удержанная в самом настоящем. Но этот след не ретенция, как у Деррида, и темпорализация не сводится к отсылке к другому настоящему/присутствию. Она скорее указывает на не-присутствие, не-теперь (нерепрезентируемое первичное впечатление, как говорит Гуссерль). В своей критике феноменологического опыта Деррида представляет последний как систему элементов, каждый из которых несет следы других эле-

ментов. Различие между ними темпорально, поскольку элемент ссылается на другие элементы в прошлом или будущем – продуцирование интервалов, «порождающий момент в игре различий». Это темпоральное продуцирование может быть рассмотрено двояко: как игра ретенций и протенций во внутреннем времени, но также как продуцирование самих ретенциальных связей во внешнем времени. Деррида не различает эти две ситуации и, таким образом, смешивает два времени диахронии и два жеста различения в *différance*.

Список литературы

Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Логос, Гнозис, 1994. 162 с.

Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя, 1999а. 208 с.

Деррида Ж. *Différance* // Гурко Т. Тексты деконструкции. Томск: Водолей, 1999б. С. 124–158.

Деррида Ж. О грамматологии. М.: AD Marginem. 2000. 512 с.

Левинас Э. Диахрония и репрезентация // Интенциональность и текстуальность: Философская мысль Франции XX века. Томск: Водолей, 1998. С. 141–161.

Levinas E. *Diachronia und Vergegenwärtigung* // *Den Andern denken: Philosophisches Fachgespräch mit Emmanuel Levinas*. Hrsg. von Franz Josef Klehr. Stuttgart: Akademie der Diözese Rottenburg-Stuttgart, 1991. S. 143–168.

Материал поступил в редакцию 15.06.2007

³ *Vergegenwärtigung* – термин Гуссерля. Деррида, как мы только что видели, также его употребляет. Обычно *Vergegenwärtigung* переводится как представление или репрезентация. Например, упомянутый выше текст Левинаса «Диахрония и репрезентация» называется по-немецки «*Diachronia und Vergegenwärtigung*» [Levinas, 1991].